

*Посвящается сержанту Стиву Оуэну
(управление шерифа округа Лос-Анджелес).
Казнен 5 октября 2016 года,
застрелен сквозь жетон*

Вскоре после полуночи Бэллард с Дженкинсом подкатили к дому на Эль-Сентро: первый вызов за смену. У бордюра уже стояла патрульная машина, а на крыльце бунгало — седая женщина в банном халате и двое людей в синем. Бэллард знала обоих: Джона Стэнли, старшего офицера смены — так сказать, главного по уличным делам, — и его напарника Джейкоба Росса.

— Твой клиент, — сказал Дженкинс.

За два года совместной работы выяснилось, что потерпевшие женского пола охотнее разговаривают с Бэллард. Не то чтобы Дженкинс пугал их, просто Бэллард лучше находила с ними общий язык. И наоборот: если потерпевшим был мужчина, с ним работал Дженкинс.

— Так точно, — ответила Бэллард.

Оба вышли из машины и направились к освещенному крыльцу. В руке у Бэллард была рация. Когда они поднялись на три ступеньки, Стэнли познакомил их с женщиной: Лесли Энн Лантана, семьдесят семь лет. Бэллард сразу поняла, что здесь по большому счету делать нечего. Как правило, расследование

кражи со взломом заканчивается рапортом. Максимум вызовом дактилоскописта — это если повезет и детективы заметят, что преступник касался какой-нибудь поверхности, с которой можно снять отпечатки.

— Сегодня вечером миссис Лантана получила электронное извещение о мошенничестве. Кто-то хотел расплатиться ее карточкой на «Амазоне», — сказал Стэнли.

— Но вы ничего не покупали, — уточнила Бэллард, хоть это и так было ясно.

— Нет. Эту карточку я держу для непредвиденных случаев. В Сети ею не пользуюсь, — ответила Лантана. — Потому-то система и заподозрила неладное. Для «Амазона» у меня другая кредитка.

— Понятно, — кивнула Бэллард. — В банк-эмитент уже звонили?

— Сперва решила проверить, не потерялась ли карточка. Оказалось, из сумки пропал кошелек. Его украли.

— Можете предположить, где и когда?

— Вчера я ездила в «Ральфс» за продуктами. Кредитка точно была в кошельке. Потом я вернулась домой и никуда не выходила.

— В магазине расплачивались карточкой?

— Нет, там я всегда плачу наличными. Погодите... Я доставала из кошелька бонусную карту «Ральфс».

— Скажите, вы не могли забыть кошелек в магазине? Может, на кассе, когда доставали бонусную карту?

— Нет, вряд ли. Я человек очень аккуратный, особенно с сумочкой и кошельком. И на слабоумие пока не жалуюсь.

— Я ни на что не намекаю, мэм. Просто задаю вопросы.

Бэллард решила повернуть разговор в другое русло, хоть и допускала, что кошелек остался в магазине, а там его мог стащить кто угодно.

— Кто с вами живет, мэм? — спросила она.

— Никто, — ответила Лантана. — Я живу одна. Если не считать моего пса. Его зовут Космо.

— Итак, вчера вы вернулись из магазина. С тех пор кто-нибудь стучался к вам? Заходил в дом?

— Нет, никто.

— Ни друзья, ни родственники?

— Нет. Даже если бы и заходили, они не стали бы брать кошелек.

— Разумеется, и я снова ни на что не намекаю. Просто хочу разобраться, кто мог здесь побывать. Значит, вернувшись из «Ральфс», вы все время были дома?

— Совершенно верно.

— А как же Космо? Вы его выгуливаете?

— Конечно, дважды в день. Но всегда запираю дверь, и мы далеко не уходим. Он старый пес, да и я не молодею.

Бэллард понимающе улыбнулась.

— Каждый день гуляете в одно и то же время?

— Да, по расписанию. Так лучше для собаки.

— И как долго?

— Полчаса утром, вечером чуть подольше, в зависимости от самочувствия.

Бэллард кивнула. Любой гастролер к югу от Санта-Моники, заметив на улице эту старушку с собакой, мог проследить, где она живет. Засек время

прогулки, посмотрел, есть ли в доме другие жильцы, и вернулся на следующий день. Люди, как правило, не понимают, что распорядок дня — просто подарок для всевозможных мошенников. Чтобы войти и выйти, опытному вору надо минут десять, не больше.

— Что-то еще исчезло? Вы не смотрели, мэм? — спросила Бэллард.

— Пока нет, — ответила Лантана. — Как только увидела, что пропал кошелек, тут же вызвала полицию.

— Ну, в таком случае давайте посмотрим вместе. Вдруг что-нибудь заметите, — сказала Бэллард.

Пока они ходили по комнатам, Дженкинс проверил, все ли в порядке с замком на задней двери. В спальне обнаружилась подстилка, на которой лежал пес с седой от возраста мордой: помесь боксера с кем-то еще. Пес блестящими глазами проследил за Бэллард, но вставать не стал — слишком стар. Издал лишь утробный рык.

— Все хорошо, Космо, — успокоила его Лантана.

— Это у вас метис боксера и... — начала Бэллард.

— Риджбека, — сказала Лантана. — Ну, мы так думаем.

Бэллард не поняла, кто такие эти «мы»: Лантана и Космо или кто-то еще. Может, Лантана и ветеринар.

Заглянув в шкатулку с украшениями, старушка закончила осмотр и сообщила: похоже, все на месте, кроме кошелька. Бэллард снова подумала про «Ральфс». Или же вор поспешил уйти, хотя на самом деле времени у него было предостаточно.

Явился Дженкинс. Замки на обеих дверях были в порядке: следов отмычки или фомки не обнаружено.

— Когда гуляли с собакой, видели на улице что-нибудь странное? — спросила Бэллард у старухи. — Что-нибудь привлекло ваше внимание?

— Нет, ничего необычного, — ответила та.

— Поблизости нет стройки? Строители здесь не шастают?

— Нет, ничего такого.

Бэллард попросила Лантану показать сообщение из банка-эмитента. Они отправились на кухню. Там обнаружился закуток с ноутбуком, принтером и стойкой для бумаг. Стойка была забита конвертами. Похоже, здесь Лантана занималась оплатой счетов и онлайн-шопингом. Усевшись, она открыла нужное письмо. Бэллард наклонилась к ее плечу, прочла текст и попросила еще раз позвонить в службу поддержки.

На стене висел телефон с длинным проводом. Набрал номер, Лантана вернулась в закуток и передала трубку Бэллард. Та вышла в прихожую вместе с Дженкинсом, вытянув провод на всю длину. Специалист по мошенничеству говорил с индийским акцентом. Бэллард назвала свое имя и должность: детектив Управления полиции Лос-Анджелеса. Спросила, какой адрес доставки был указан при покупке, прежде чем ее отклонили по подозрению в мошенничестве. Специалист сказал, что может раскрыть эту информацию только по решению суда.

— То есть? — удивилась Бэллард. — Вы же специалист по мошенничеству. Налицо факт обмана, и, если вы дадите мне адрес, это поможет следствию.

— Простите, не могу, — ответил индус. — Должен получить от юридического отдела разрешение, а пока его у меня нет.

— Соедините меня с юридическим отделом.

— Там никого. Сейчас обеденный перерыв.

— В таком случае переключите на вашего супервайзера.

Взглянув на Дженкинса, Бэллард сокрушенно помотала головой.

— Слушай, утром это дело пойдет на стол краж, — напомнил Дженкинс. — Пусть там и разбираются.

— Разбираются? Ага, как же! — хмыкнула Бэллард. — Там таких дел целая гора. Никто не станет им заниматься. Это нечестно по отношению к старушке.

И она кивнула в сторону кухни, где сидела жертва преступления. У той был несчастный и одинокий вид.

— Ну да, нечестно. А кто обещал, что будет иначе? — спросил Дженкинс. — Жизнь, она такая.

Через пять минут в трубке раздался голос супервайзера. Бэллард сказала, что дело срочное: у миссис Лантаны украли кредитку. Чтобы поймать вора, нужно действовать быстро. Супервайзер объяснил, что транзакцию отклонили, так что система работала правильно.

— Вы говорите, что дело срочное, но я ничего срочного тут не вижу, — добавил он.

— Система работает правильно только в том случае, если мы поймаем преступника, — с расстановкой произнесла Бэллард. — Неужели непонятно?

Предотвратить попытку мошенничества — это еще не все. Да, вы защитили банк, но не миссис Лантану. А у нее дома, между прочим, побывал вор.

— Простите, — сказал супервайзер, — до решения суда ничем не могу помочь. Таковы правила.

— Как я могу к вам обращаться?

— Меня зовут Ирфан.

— Где вы, Ирфан?

— Не понял?

— В Мумбаи? В Дели? Где?

— Да, я в Мумбаи.

— Вот почему вам наплевать. Потому что этот во-рюга не поедет в Мумбаи, не проникнет к вам в дом и не сопрет ваш бумажник. Большое вам спасибо!

Не дожидаясь очередной отговорки, Бэллард вернулась на кухню и повесила трубку.

— Ну ладно, — повернувшись к напарнику, произнесла она. — Едем в контору, пишем рапорт, сдаем в отдел краж. Погнали.

Но до участка Бэллард с Дженкинсом так и не доехали, и рапорт по делу Лантаны пришлось отложить. Начальник смены велел им отправляться в Голливудский пресвитерианский медицинский центр, взглянуть на потерпевшую с тяжелыми увечьями. Бросив машину с включенной мигалкой на парковке для «скорой», Бэллард с Дженкинсом прошли сквозь автоматические двери и оказались в отделении экстренной медицинской помощи. Бэллард взглянула на часы: в отчете нужно будет указать время прибытия. Циферблат над регистратурой показывал сорок одну минуту первого.

Под ним стоял патрульный — бледный, словно вампир. Бэллард кивнула ему, и он подошел, чтобы ввести детективов в курс дела. На рукаве ни одной нашивки — может, даже новобранец. В любом случае поступил на службу совсем недавно, и Бэллард не знала, как его зовут.

— Нашли ее на Санта-Монике, на парковке. Неподалеку от Хайленд, — сообщил патрульный. — Похоже, выбросили из машины. Наверное, преступник решил, что она мертва. Но ошибся: на пару минут

она вроде как очнулась, но не полностью. Обработали ее на славу. По словам парамедика, не исключен перелом черепа. Она в палате. Мой наставник там же.

Стало быть, не только «тяжкие телесные». Может, еще и похищение. Всё интереснее и интереснее. Взглянув на бейдж патрульного, Бэллард узнала, что его зовут Тейлор.

— Тейлор, я Бэллард, — представилась она, — а это детектив Дженкинс. Дитя ночи, как и мы с вами. Давно в «великолепной шестерке»?

— Вообще-то, первая смена, — признался Тейлор.

— Прямо из академии? Ну, добро пожаловать. В «шестерке» весело. Веселее, чем где-либо еще. Кто ваш наставник?

— Офицер Смит, мэм.

— Давайте без «мэм», я вам не мамаша.

— Простите, мэм. Ой...

— Смитти, значит? Что ж, вы в хороших руках. Смитти славный. У потерпевшей были документы?

— Нет. Ни сумочки, ничего. Пока ждали парамедиков, пробовали с ней поговорить. Она то приходила в себя, то снова отключалась. Вроде как сказала, что ее зовут Рамона.

— Что-нибудь еще говорила?

— Угу. «Дом вверх дном».

— «Дом вверх дном»?

— Да, именно так. Патрульный Смит спросил, знает ли она нападавшего. Ответила отрицательно. Спросил, где на нее напали, и она сказала: «Дом вверх дном». Говорю же, была не в себе.

Кивнув, Бэллард задумалась: что бы это значило?

— Ну ладно, — сказала она. — Сходим к ней, посмотрим сами.

Кивнув Дженкинсу, Бэллард направилась к двери, ведущей в палаты. На Бэллард был костюм «Ван Хьюзен», темно-серый в тонкую белую полоску. Она всегда считала, что деловая одежда хорошо подходит к светло-коричневой коже и выгоревшим на солнце волосам. К тому же, если ты невысокого роста, строгий костюм компенсирует нехватку авторитета. Бэллард сдвинула полу пиджака, так чтобы дежурный увидел жетон на ремне. Автоматические двери распахнулись.

В приемном покое для пациентов имелось шесть отдельных боксов, отгороженных занавесками. В центре помещения располагался диспетчерский стол. Вокруг него сновали доктора, медсестры и техники — на первый взгляд хаотично, но этот танец был срежиссирован рукой невидимого хореографа. Каждый был занят своим делом.

У бокса номер четыре стоял еще один патрульный. Бэллард с Дженкинсом направилась прямо к нему. На рукаве у патрульного было три шеврона — по одному за каждые пять лет службы. Бэллард была хорошо с ним знакома.

— Смитти, док уже там? — спросила она.

Патрульный Мелвин Смит отвлекся от написания эсэмэски.

— Бэллард, Дженкинс, как житуха? — И продолжил: — Не, она там одна. Скоро заберут в операционную. Трещина в голове, отек мозга. Говорят, надо вскрыть ей черепушку, чтобы сбросить давление.

— Представляю, как ты расстроен, — заметил Дженкинс.

— Стало быть, она неразговорчивая? — спросила Бэллард.

— Уже да, — кивнул Смит. — Ее накачали снотворным. Собираются ввести в кому, пока отек не спадет. Слушай, Бэллард, как там Лола? Давно ее не видел.

— Лола в полном порядке, — сказала Бэллард. — Вы сами ее нашли или вас кто-то надоумил?

— Была наводка, — ответил Смит. — Кто-то позвонил, но, когда мы приехали, на парковке уже никого не было — только потерпевшая. Поначалу решили, что ей каюк.

— Вызвали кого-нибудь, чтобы оцепить место преступления? — спросила Бэллард.

— Не-а. Там все равно ничего нет, кроме крови на асфальте, — пожал плечами Смит. — Тело выбросили из машины.

— Смитти, ну что за бред! Нужно отработать по месту. Давай-ка пулей на ту парковку и ждите бригаду. Сидите в машине, заполняйте свои бумажки, или чем вы там занимаетесь.

Смит взглянул на Дженкинса. Как старший детектив, тот должен был подтвердить приказ.

— Она права, — кивнул Дженкинс. — Место преступления нужно оцепить.

— Вас понял. — Судя по тону, Смит счел это поручение пустой тратой времени.

Сдвинув штору, Бэллард вошла в бокс номер четыре. Потерпевшая лежала на кровати, с трубками в носу и в руках. Ее изуродованное тело было при-

крыто зеленым больничным халатом из легкой ткани. За четырнадцать лет в полицейском департаменте Бэллард повидала немало жертв насилия, но такие серьезные раны обычно встречались лишь на трупах. Женщина была миниатюрной. Вес, если навскидку, не больше ста двадцати фунтов. Оба глаза полностью заплыли. Правая глазница, очевидно, сломана, перелом закрытый. Лицо справа обезображено опухолью, кожа содрана. Похоже, сперва ее жестоко избили, а потом волокли по какой-то шершавой поверхности. Не исключено, что по парковке. Наклонившись, Бэллард рассмотрела рану на нижней губе. Ее прокусили так, что губа развалилась надвое и теперь держалась на двух временных швах. Да, тут не обойтись без пластического хирурга. Если, конечно, потерпевшая выживет.

— Господи боже мой... — пробормотала Бэллард.

Она сняла с ремня смартфон, открыла приложение «Камера» и начала фотографировать: сперва все лицо, потом отдельные раны крупным планом. Дженкинс молча смотрел на нее. Он не впервые видел Бэллард за работой.

Расстегнув верхнюю пуговицу халата, Бэллард принялась изучать травмы на груди. Внимание ее привлекла левая сторона торса с четко очерченными синяками. Похоже, били не кулаком, а каким-то предметом.

— Глянь-ка, — кивнула Бэллард. — Кастет?

— Может, и кастет. — Дженкинс подался вперед. — Похоже на то. — И с отвращением отпрянул.

Джон Дженкинс служил уже двадцать пять лет. Бэллард знала, что он давно утратил остатки состра-

дания. Детектив он был неплохой — когда сам того хотел. В остальном же Дженкинс был похож на других ветеранов. Стремился лишь к тому, чтобы его оставили в покое и не отвлекали от служебных обязанностей. Здание полицейского управления в центре города называли полицейской администрацией, сокращенно ПА. Дженкинс и ему подобные расшифровывали эту аббревиатуру как «политический аппарат» или «политическая ахинея», кому что больше нравится.

В ночную смену обычно ставили тех, кто оказался в немилости у политиканов и бюрократов из управления. Дженкинс являлся одним из немногих добровольцев. У его жены был рак, и Дженкинс предпочитал дежурить по ночам, когда она спит — чтобы днем быть под рукой, если жене что-то понадобится.

Бэллард продолжала фотографировать. Груды потерпевшей также были повреждены, сосок правой прокушен, как и нижняя губа. Левая грудь была полной и круглой, правая — поменьше и плоской. Видимо, ударили так сильно, что под кожей лопнул имплант. Бэллард видела такое лишь однажды, и в тот раз жертва была мертва.

Осторожно застегнув халат, она проверила руки на предмет оборонительных ран. Ногти были сломаны и все в крови. Вокруг запястий — глубокие фиолетовые отметины. Значит, женщина была связана, и довольно долго. Речь о часах, не о минутах. Может, даже несколько дней, прикинула Бэллард.

Она сделала еще несколько снимков и лишь потом обратила внимание на длину пальцев потерпев-

шей, на расстояние между костяшками. Санта-Моника, Хайленд... Нужно было сразу сообразить, что к чему. Приподняв край халата, Бэллард убедилась, что перед ней мужчина — ну, в биологическом смысле этого слова.

— Проклятье! Только этого зрелища мне не хватало, — заметил Дженкинс.

— Вот это поворот! — усмехнулась Бэллард. — Если Смитти все знал и решил нам не рассказывать, скотина он последняя.

Сдержав вспышку гнева, она вернулась к работе.

— Когда мы уезжали из конторы, не обратил внимания, есть кто в отделе нравов?

— Ага. Там у них какая-то движуха, — ответил Дженкинс. — Какая именно, не знаю. Пистоль-Пит заходил в комнату для отдыха. Кофе варил.

Отступив от кровати, Бэллард пролистала галерею смартфона, пока не дошла до фотографии лица. Сбросила снимок Питу Мендесу из отдела нравов. Добавила текст:

Рамона с бульвара Санта-Моника. Узнаёшь?

Мендес был легендой «шестерки» — по разным причинам — увы, не всегда лестным. Почти все время он работал на спецоперациях отдела нравов. В молодости на него не раз цепляли прослушку и выпускали на панель: изображать проститута. Записи — штука важная: услышав их на допросе, подозреваемый, как правило, признаёт вину. Одна из этих пленок до сих пор пользовалась успехом. Ее включали, когда отдел провожал кого-нибудь на пенсию или собирался на вечеринку. Однажды Мендес стоял на бульва-

ре Санта-Моника, и тут к нему подъехал потенциальный клиент. Прежде чем заговорить о цене, он задал Мендесу ряд вопросов: например, какова длина его пениса в эрегированном состоянии — само собой, другими словами.

Мендес ответил, что дюймов шесть.

Не сказав больше ни слова, разочарованный клиент укатил прочь. Через несколько секунд к Мендесу подрулил сидевший неподалеку сержант-куратор. Их разговор также остался на пленке.

— Мендес, нам нужны аресты, — отчитал его сержант. — В следующий раз, когда спросят, какого размера у тебя член, хотя бы преувеличивай.

— А я что сделал?! — огрызнулся Мендес, и это стало началом его вечного позора.

Бэллард сдвинула занавеску, чтобы посмотреть, там ли Смит, но их с Тейлором уже и след простыл. Она подошла к диспетчерской стойке, Дженкинс последовал за ней.

— Бэллард, Дженкинс, полиция Лос-Анджелеса, — обратилась она к медсестре. — Мне нужно поговорить с врачом, который ведет пациентку из четвертого бокса.

— Сейчас он во втором, — сказала медсестра. — Подождите, скоро выйдет.

— Когда у пациентки операция?

— Как только будет свободная операционная.

— Ей сделают проверку на изнасилование? Анальный мазок? И еще нам понадобятся обрезки ногтей. Поможете?

— Врачи будут бороться за ее жизнь. Это в приоритете. Об остальном договаривайтесь с врачом.

— Об этом я и прошу. Мне нужно...

В руке у Бэллард завибрировал телефон, она от-
вернулась. Мендес прислал ответ. Бэллард прочита-
ла его Дженкинсу:

Рамона Рамон, дракон. Настоящее имя Рамон Гутьеррес.
Был у нас пару недель назад. Список приводов длиннее, чем
его член до операции.

— Милая формулировка.

— Особенно если учесть, какой у него самого раз-
мер, — добавил Дженкинс.

Драконами в отделе нравов называли трансген-
деров всех мастей. Различий между ними не дела-
ли, и словечко это считалось приемлемым. Бэллард
и сама пару лет поработала приманкой, так что зна-
ла сленг и представляла себе психологию ребят из
отдела. Не важно, сколько часов групповой терапии
убьют на этот вопрос: если прозвище прилипло, то
навсегда.

Бэллард взглянула на Дженкинса. Но прежде чем
успела открыть рот, он произнес:

— Нет.

— Что «нет»?

— Я знаю, что ты собираешься сказать. Что хо-
чешь взять это дело.

— Оно для вампиров, его нужно вести по ночам.
Сдадим в отдел секс-преступлений, и будет так же,
как с Лантаной, — покачала головой Бэллард. — Его
отложат в долгий ящик. Они работают с девяти до
пяти, и в итоге никто ничего не сделает.

— Все равно нет. Нам платят не за это.

Вот в чем была их основная нестыковка. Они ра-
ботали в ночную смену. Так называемый ночной се-

анс, последнее, можно сказать, шоу. Выезжали на место преступления, где требовался детектив, чтобы собрать первоначальные показания или подтвердить самоубийство. Брала одно дело за другим, но ни одного не оставляли себе. Писали первичный рапорт, а утром передавали дело в соответствующий отдел. Грабеж, изнасилование, кража со взломом, угон автомобиля и так далее и тому подобное. Иногда у Бэллард возникало желание довести хоть что-нибудь до конца. Но им платили не за это, и Дженкинс ни на йоту не отступал от инструкции. Он тоже работал «с девяти до пяти»: строго от звонка до звонка, разве что в ночную смену. У него была больная жена, и утром, когда она проснется, Дженкинс хотел быть дома. Сверхурочные его не интересовали — ни дела, ни деньги.

— Ну же, — взмолилась Бэллард, — что еще мы можем сделать?

— Съездим на место преступления. Посмотрим, действительно ли его можно так называть, — сказал Дженкинс. — Потом в контору. Напишем два рапорта: по этому парню и по старушке. Если повезет, вызовов больше не будет и до рассвета мы просидим над бумажками. Поехали.

Дженкинс шагнул к выходу, но Бэллард осталась на месте. Развернувшись, он подошел к ней и осведомился:

— Что?

— Это дело рук настоящего злодея, Дженкс, — сказала Бэллард. — И ты прекрасно это знаешь.

— Вот только не нужно опять сворачивать на эту дорожку, потому что я с тобой не пойду. Мы же ви-

дели такое сотни раз. Парень катается по незнакомым улицам, видит телочку, тормозит. Договаривается, отвозит ее на парковку, а у телочки под мини-юбкой писюн. Парня накрывает покупательское раскаяние, он забивает телочку с писюном до полусмерти и едет себе дальше.

Он еще не закончил подводить итоги, а Бэллард уже мотала головой.

— А как же укусы? — возразила она. — А как же кастет? Это спланированная расправа. Рамона была связана, и довольно долго. Здесь действовал настоящий злодей, и я хочу оставить это дело себе, чтобы принести хоть какую-то пользу — так, для разнообразия.

Строго говоря, Дженкинс был старшим напарником, и в подобных случаях решающее слово оставалось за ним. При желании Бэллард могла воззвать к начальству, но ради партнерства решение должно быть принято на месте.

— Значит, так. Я метнусь на место преступления, а потом сяду за писанину, — произнес Дженкинс. — Взлом пойдет на стол краж, а это дело — на стол преступлений против личности. Или даже к ребятам из убойного, ибо, как по мне, тот парнишка выглядит неважно. Я все сказал.

Озвучив свое решение, он снова повернулся к двери. Дженкинс служил так давно, что до сих пор называл отделы столами. В девяностых именно так и было: маленькие столы сдвигали вместе, чтобы получился один огромный: стол краж, стол преступлений против личности и так далее.